

- ¹¹ Там же. Д. 347. Л. 95 об.
- ¹² См.: Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России... С. 167.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 278 об., 320 об., 355 об., 365 об., 381, 393, 395, 418 об., 444 об., 454, 475, 527, 567 об., 594, 692 об., 695, 710 и др.
- ¹⁵ Там же. Д. 343. Л. 157 об., 165 об., 199.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 212. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 355. Л. 454, 472 и др.
- ¹⁹ Там же. Л. 324, 512, 543.
- ²⁰ Там же. Оп. 5 (ОЦ). Д. 351. Л. 98 об.
- ²¹ Там же. Оп. 1 (ОЦ). Д. 347. Л. 66; Д. 351. Л. 23, 60 об., 63, 72, 78, 171 и др.
- ²² Там же. Д. 351. Л. 43, 51 об.
- ²³ Там же. Л. 175.
- ²⁴ Там же. Л. 120, 128, 136 об., 145 об., 164, 165 об., 174.
- ²⁵ Там же. Д. 342. Л. 180 об.; Д. 343. Л. 87; Д. 347. Л. 73, 81, 95, 95 об., 97, 107, 121, 127, 127 об., 144, 158, 184 об., 198 об. и др.
- ²⁶ См., например: Беспаленок Е. Д. 1) Купцы Кремлицыны и строительство храма св. Варвары в Смоленске // Смоленские епархиальные ведомости. 2003. № 3. С. 43–48; 2) Жизненная драма купца Ф. М. Нашиванкина: Из истории купеч. храмо-строительства в Смоленске // Край Смоленский. 2008. № 12. С. 3–10.
- ²⁷ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 320 об.
- ²⁸ Там же. Д. 215. Л. 106 об.
- ²⁹ Там же. Д. 343. Л. 29.
- ³⁰ Там же. Д. 342. Л. 231 об.
- ³¹ Там же. Д. 224. Л. 77, 84.

М. С. Черкасова

ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА И ТОРГОВЛИ ВОЛОГДЫ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Обывательские книги русских городов еще не выявлены в полном объеме, не систематизированы и недостаточно разработаны в источниковедческом и конкретно-историческом отношении. Из доступной нам литературы о них удалось познакомиться лишь с тремя статьями по Архангельску и Сарапулу¹. Предлагаемая заметка представляет лишь начальный этап подобной работы, проведенной на основе фондов Государственного архива Вологодской области.

Сохранившиеся в нем две обширные обывательские книги 1785–1796 гг. были составлены во исполнение Екатерининской Жалованной грамоты городам от 21 апреля 1785 г.² Наиболее ранней является книга № 17 (объем 546 л. с об.), представляющая собой *алфавитный список* обывателей за 1785–1792 гг. Она была составлена городскими старостами, торговыми людьми Мих. Рыниным и Вас. Исаевым, имела буквенные разделы от А до Я и оформлена в виде таблицы из шести граф. *Первая графа* — «Имя и прозвание обывателя в том городе старожила, родившагося или вновь поселившагося и его лета». *Вторая* — «Холост или женат и на ком, или вдов». *Третья* — «Много ли детей мужескаго или женскаго пола и их лета». *Четвертая* — «Есть ли в городе за ним дом или иное строение или место или земля, им ли построено или наследственно или куплено, или в приданое получено и в каком месте в городе и которой номер». *Пятая* — «В городе ли живет тот обыватель или в отлучке». *Шестая* — «Какого он промысла»³. Большинство записей сопровождаются датами внесения обывателя в протокол городской думы, и это имеет важное значение для понимания ее хронологии.

В книгу № 17 две трети записей (62 %) были внесены в сентябре — октябре 1785 г. На 1786 г. приходится 263 записи, или 18,8 %. К 1787–1792 гг. относится лишь 20 % записей. Имеющие разные даты протоколы нередко отмечены в кн. 17 одним и тем же почерком на одном листе, следовательно, составители книги воедино сводили в нее (в соответствующий буквенный раздел) разновременные записи о городских обывателях.

По-настоящему увесистым фолиантом (1678 л.!) является книга 1787–1796 гг. (№ 4211), скрепленная городским головой, купцом второй гильдии Степаном Митрополовым и депутатом городской думы, купцом третьей гильдии Федором Окатовым⁴. Большая часть записей в ней (74 %) относится к 1787–1789 гг., а по палеографическим данным значительная ее часть датируется 1790–1792 гг. Сравнение наличного состава жителей в книгах 17 и 4211 показывает, что большинство из них в кн. 4211 было повторно зафиксировано с указанием новых протоколов. Близкие к нашим наблюдения о соотношении двух обывательских книг по Архангельску В. В. Крестинина —

А. И. Фомина 1786–1788 гг. сделала и О. В. Чуракова: в первую книгу по алфавиту были переписаны все жители-домовладельцы, а во вторую каждый был внесен повторно в соответствии со своим капиталом и социальным положением⁵.

Самоназванием книги № 4211 является: «Города Вологды городова *обывательская* книга, сочиненная в силу Высочайшего о городах положения 61-й и 62-й статьи». Речь идет о 61-м и 62-м пунктах Жалованной грамоты городам 1785 г. В 61-м пункте говорилось: о составлении городским головой с выборными депутатами городской обывательской книги по каждой городской части на основании списка городского старосты, а в пункте 62-м — об ее разделении на 6 частей. Однако в действительности эта книга состоит не из шести, а из пяти частей, самой обширной из которых является первая (л. 1 об.–1409) — «По силе Городового положения 63-й статьи о настоящих городских обывателях, кои в городе дом или иное строение или места или землю имеют». Далее в 1-й части по буквенным разделам от А до Я приведены фамилии настоящих городских обывателей, старожилов и родившихся в Вологде. Всюду в пределах этой части на обороте листов в верхнем левом углу было помечено: «1-я часть». После каждого буквенного раздела оставлены чистые листы, скорее всего, для последующего заполнения, что говорит о рабочем, текущем ее характере.

Во 2-ю часть кн. 4211 (л. 1411–1501) были включены купцы 1–3-й гильдий с указанием размера их капитала; в 3-ю часть (л. 1503–1608) — цеховые ремесленники; в отсутствовавшую 4-ю часть следовало внести иностранных граждан; в 5-ю часть (л. 1609–1611) — именитые граждане; в 6-ю часть (л. 1615–1678) — «обыватели, кои по состоянию ко внесению в книгу не подходят» (не имевшие домовладений). В этих частях также встречаются незаполненные листы, но в гораздо меньшем количестве по сравнению с первой частью.

Не позднее 1832 г. возникла третья из сохранившихся в Государственном архиве Вологодской области обывательская книга Вологды (формат, как и двух предыдущих, в лист, объем 298 л. с об.)⁶. Палеографические наблюдения показывают, что большая ее часть была написана на бумаге с датой 1823 г., отчетливо видной на л. 189, 197, 200, 211 и др. Последний тетрадный блок был написан на бумаге с датой 1832 г. В заголовке же она отнесена к 1830-му году («Список города Вологды обывателей, учиненной в силу Городового положения 58 и 59 статей по алфавиту 1830 года»). По содержанию своему она является, подобно книге № 17, *алфавитным списком* обывателей, выполненным в табличной форме от А до Я, только граф в кн. 572 не шесть, а семь (последняя называется «В каких градских или иных службах обыватель был или есть»). Оставленные в конце каждого буквенного раздела чистыми листы тоже расчерчены в табличной форме. Значит, когда-то и они предназначались для последующего заполнения, так и не состоявшегося. Почерк, которым пронумерованы все три обывательские книги, довольно схож. Возможно, это делалось одновременно одним лицом. В целом по информационной насыщенности поздний алфавитный список 1832 г. значительно уступает обывательским книгам конца XVIII в. Шестая и седьмая графы в нем зачастую остались без заполнения, что не дает систематических сведений о промысловых и торгово-ремесленных занятиях населения и казенных службах горожан. Состав их недвижимого имущества (дома, огороды, огородные места, лавки, амбары, промысловые заведения — «фабрики и заводы») в кн. 572 перечислены столь же тщательно и пронумерованы, как и в книгах конца XVIII в. Вполне сопоставим материал и о семейно-брачной и возрастной структуре населения, «детности» семей.

Общее количество купцов всех трех гильдий Вологды в 1780–1790-е гг. составляло 133 чел. Численность купцов первой и второй гильдий была примерно одинакова — 19–20 чел., а третья гильдия оказалась наиболее многочисленной — 114 чел. Примерно такое же количественное соотношение гильдейского купечества указывает и У. М. Полякова по обывательской книге Архангельска 1786–1788 гг.⁷ Н. В. Козлова отмечает, что преобладание третьегильдейского купечества в массе торговых людей вообще было характерно для городов России второй половины XVIII в.⁸

Различие между гильдиями заключалось в размахе торгово-предпринимательской деятельности и размерах денежного капитала. В первую гильдию были включены вологодские купцы с капиталом от 10 до 30 тыс. руб., во вторую — 5–6 тыс. руб., в третью — 1–1,1 тыс. руб. При всей условности этой величины она выражала минимум денежных капиталов, необходимый для вступления в ту или иную гильдию⁹. В отличие от Архангельской обывательской книги 1786–1788 гг., вологодская книга № 4211 не содержит сведения о капиталах посадских людей, мещан и цеховых ремесленников. По наблюдениям У. М. Поляковой, они были очень пестры и обычно колебались от нескольких рублей до 700 руб.¹⁰

Наиболее крупный денежный капитал зафиксирован у богатейшего вологодского купца М. И. Рыбникова — 30 тыс. руб. За ним следовали: 1) М. Ф. Колесов — 25 тыс. руб.; 2) братья М. И. и Г. И. Поповы-Веденские — 21 тыс. руб.; 3) братья Г. А. и А. А. Митрополы — 20 тыс. руб. Среди купцов

второй гильдии наиболее значительными капиталами обладали дядя с племянником И. Я. и И. Г. Немировы — 6040 руб., М. И. Козулин — 5600 руб., М. И. Хомутильников — 5500 руб. Среди купцов третьей гильдии — И. И. Манойлов — 1125 руб. и Л. И. Корелкин — 1100 руб.

Первостатейное купечество Вологды занималось оптовой и розничной торговлей не только в России, но и за рубежом на своих судах, имело фабрики и заводы с использованием принудительного труда крестьян из купленных деревень, брало казенные подряды. Внутрироссийский и иностранный торг (через Архангельский и Петербургский порты) отмечен у М. И. и И. А. Рыбниковых, М. И. и Г. И. Поповых-Веденских, Г. А. и А. А. Митрополовых, Н. И. и С. И. Митрополовых, И. А. и В. А. Лаптевых, П. В. Свешникова, П. В. Ягодникова, Е. М. Макарова. М. И. Рыбников отправлял свои товары в Гамбург, Амстердам и Англию, «а ныне (то есть в 1785 г. — М. Ч.) использовал иностранные суда с платежом фрахта»¹¹. Именитые граждане братья М. И. и Г. И. Поповы-Веденские торговали через Архангельский порт «с иностранными корреспондентами и засылкою к ним разными российскими товарами на свой счет, равно и от них выпискою немецких товаров на собственной же счет, которыми и производят распродажу в разных российских городах, а затем и в здешнем городе оптом и по дробно». Они брали разные подряды «в казенных местах и поставкою разных припасов и материалов как здешняго города, так и других российских городов». Братьям принадлежали три торговых корабля, «купленные от разных купцов» («Анфиноген», «Река Луза», «Добрая Надежда»). От Архангельска до Амстердама и обратно их водили нанятые иностранные шкиперы, в частности, Г. Ф. Груф¹². Более ранние сведения, относящиеся к 1769 г., об участии вологодских купцов в торговле с Голландией через Архангельский порт были приведены В. Н. Захаровым¹³. Братья Николай и Степан Митрополовы торговали «в разных российских городах, а большею частью при Архангельском порте с российскими и иностранными купцами российскими и немецкими товарами». С 1786 г. они начали «проводить торг и за море, при том имеют внутри России разные подряды, как оказались во всякой исправности окончены».

Первостатейный купец и именитый гражданин И. А. Лаптев-Большой, хотя и числился городовым обывателем, фактически проживал в Санкт-Петербурге. Здесь он вел оптовый торг российскими и иностранными товарами. Указан внушительный объем его товарооборота: в 1785 г. — 74187 руб., в 1786 г. — 136651 руб.¹⁴ Братья И. и В. Шапкины по половинам владели кораблем «Санкт-Иоганнес Баптис», предназначенным для «промыслу морских зверей». Они торговали в разных сибирских городах, на Камчатке и на Китайской границе «посылкою в те места и оттуда получаемых тамошних товаров, которым имеют оптовую распродажу в разных российских городах»¹⁵. Товары в Сибирь и на Кяхтинскую ярмарку отправляли также Я. В. Спешилов и М. И. Рыбников. Оптовая торговля у названных купцов сочеталась с лавочной в самой Вологде¹⁶. А. И. Узденников имел лавку в Вологде и, кроме того, торговал в Санкт-Петербургском гостином дворе «при бирже в отданной ему из оброку полулавке и в других российских городах разными товарами».

«Заводы» вологодских купцов, вкладывавших свои капиталы в «предприятия» того времени, располагались как при доме, воплощая в себе Ласлеттовское «домохозяйство», так и далеко от места их проживания. М. И. Рыбников имел при своем доме кожевенный завод по производству юфти, а в Яренской округе Устюжского у. — Сереговский «наследственной крепостной» соляной завод «с людьми, со строением и протчими принадлежностями», на котором ежегодно вываривалось «на продовольство в обывателей Вологодского наместничества» до 150 тыс. пудов соли, приносящей в казну до 20 тыс. руб. прибыли¹⁷. Его племянник И. А. Рыбников также имел кожевенный завод по производству юфти, в свечном заводе «производил макание свеч», а в набойчатой фабрике — «печатание разных набоек». Кожевенный завод в пригородной Дюдиковой пустыни находился в совладении у М. Рыбникова с племянником Иваном. Солодовенный завод имел купец М. Ф. Колесов, продавая квас и пиво в двух городских харчевнях. Заводы по производству юфти известны у купцов В. А. и И. А. Шапкиных (у второго — в пригородном селе Фрязинове)¹⁸. Три завода — кожевенный, свечной и крашеннинный — отмечены у А. Д. Никифорова¹⁹.

В отношении некоторых купцов обывательская книга № 4211 не указывает прямо на наличие у них фабрик и заводов, а только отмечает: «такой-то производит делание юфти и макание свеч». Можно согласиться с Г. Н. Козиной в том, что промышленные предприятия XVIII — начала XIX в. имели в основном полукустарный характер, поэтому именование их в соответствии с официальной терминологией того времени «заводами» носит условный характер²⁰. Столь же условным можно считать и употребление слова «промышленность» («торгует скипидаром, коего имеет промышленность»). Вместе с тем, заслуживает внимания наблюдение исследовательницы о том, что в 1780–1790-е гг. в Вологде примерно каждое десятое купеческое семейство владело фабрично-ремесленными заведениями²¹.

Недвижимость М. И. Рыбникова состояла из купленных им деревни Глухой на р. Ихалице, селец Семенкова и Козицына под Вологдой. Это свидетельствует об использовании им труда зависимых крестьян на собственном производстве. Промышленные заведения Рыбниковых могли передаваться по наследству. В обывательской книге 1832 г. отмечены свечной и кожевенный заводы 47-летней вдовы М. П. Рыбниковой, доставшиеся ей в наследство после мужа²².

Масштаб торговли менее крупных купцов Вологды был скромнее: про членов второй гильдии обычно говорилось, что они торгуют «здесь в городе и других российских городах оптом и по дробно», а третьей гильдии — «они торгуют здесь в городе разными товары». Некоторые купцы второй гильдии (И. А. Лаптев-Меньшой, Г. И. Носков) тоже вели торг в Архангельске и Санкт-Петербурге, последний, скорее всего, мясом, так как и в Вологде он продавал его в двух мясных лавках. А. Д. Сумкин торговал через Архангельский порт, а также на Китайской границе и в других российских городах²³. Описание торговли вологодских купцов во второй части обывательской книги, к сожалению, часто дается неразвернуто. Используя сведения о тех же самых лицах в первой части книги, можно предположить, например, что упомянутый А. Д. Сумкин торговал скорее всего, кожевенными товарами, так как среди его недвижимости отмечен кожевенный завод²⁴. Наличием землевладения в уезде с зависимым крестьянством купцы второй гильдии отличались от менее мощных предпринимателей, сближаясь тем самым с первостатейными. Так, братья Федор и Николай Григорьевы дети Турондаевские имели бумажную, крупяную, сургучную и шелковую фабрики, а в селе Широгорье Вологодского у. — 15 дворов с 50 душами м. п., купленными их дедом, отцом и дядьями²⁵. Иногда сообщаются сведения о казенных службах купцов третьей гильдии. Например, М. В. Москотилников с 1779 г. служил в Архангельске в портовой таможне юфтяным браковщиком, «где и по сие время находится». И. В. Пономарев также в Архангельске отмечен браковщиком «при льняном семени».

Производственно-торговые характеристики в деятельности купцов второй и третьей гильдий были органично соединены. Так, М. И. Денгин имел при доме своем кожевенный завод, а в Кожевенном ряду торговал в кожевенной лавке. М. П. Масленников торговал в Хлебном ряду в лавке продуктами, производимыми на собственном солодовенном заводе в селе Фрязинове²⁶. А. Д. Немиров на своем заводе «производил делание юфти», а в двух лавках в Кожевенном ряду ею торговал²⁷. Братья Ф. Г. и Н. Г. Туронтаевские торговали в своих лавках бумагой, производимой на их бумажной фабрике²⁸.

Купец Петр Михайлов сын Мартьянов в 1832 г. имел купленную с аукционного торга бумажную фабрику на р. Торменге в Вельском у., а в пригородном с. Фрязинове — сахарный завод, торговлю вел в каменной палатке в Шапочной линии и в харчевне²⁹. Интересно еще и то, что сама обывательская книга 1830–1832 гг. написана на бумаге, на ряде листов которой отчетливо виден водяной знак — литеры *ПМ*. Это может указывать на производство данной бумаги как раз на Вельской фабрике Петра Мартьянова³⁰.

Смешанный характер предпринимательской деятельности был присущ и мелким торговцам. Например, Г. И. Носков вывозил к Архангельску крупные партии мяса, а в своем заводе при доме «производил делание свеч»³¹. В обывательской книге 1832 г. гораздо меньше сведений о торговле вологодских купцов в Архангельском порту и за границей. Ее вели только М. И. Леденцов, Ф. Ф. Окатов и В. А. Колесов³². Часто обывательские книги оперируют неразвернутыми определениями: «такой-то человек торговаго промысла», «торгует здесь разными товары», «...холстами и разными товары», «...маслом и холстами», «...сеном и разными товары», «...мылом и харчевыми припасы», «...дровами и прочими товары», «...лотками и дровами», «мелочью и щепяными товары», «...разными мелочными товары и конской збруей в лавке», «...мелочью», «...скорняжными и разными товары», «...холстами и мылом», «...табаком и мылом», «...москотилными и разными овощными товары», «...льняным семенем и прочими товары», «...в лавках хлебными припасы, а в доме производит делание войлоков», «торг имеет в трех каменных лавках в Овощном ряду» и т. п.³³ На ассортимент розничной торговли указывают такие линии (они же — ряды) Вологодского торга, как Железная, Кожевенная, Кузнечная, Меховая, Мясная, Овощная, Рыбная, Светлая (свечная), Солодяная, Суровская, Холщовая. Помимо рядов и линий, лавки могли располагаться непосредственно при доме мелкого товаропроизводителя (стекольная, табачная, фруктовая). Кроме мужчин, в лавках могли торговать и женщины, причем не обязательно вдовы. Наряду с лавками, в 1832 г. упоминаются палатки и магазины³⁴. Ассортимент товаров в них включал фрукты и виноградные вина. Соединение производственных и торговых характеристик можно наблюдать в рамках семейной кооперации: отец сапожно-го мастерства, а сын торгует в Кожевенном ряду.

В анализируемых книгах нередко реплики о том, что посадский человек «находится у хозяев в услужении». Характер последнего иногда раскрывается: «торгует от хозяев в сибирских и протчих российских городах разными припасы»³⁵. Речь здесь должна идти о том, что какая-то часть мелких

торговцев Вологды, включая и некоторых купцов третьей гильдии, и мелких безлапочных торговцев, выступала в качестве агентуры более крупных купцов по розничной распродаже их товаров³⁶.

На разнообразные промыслово-ремесленные занятия вологодского мещанства указывают такие ремарки обывательских книг: «промысел имеет крашенинный», «красильной и набойчатой», «жестяной и паяльной», «скорняжной», «резной по дереву», «слесарной», «золотарной», «серебряной и медной», «каменной и печной», «шитье шапок и скатертей», «переплетческой», «седельной и прочей конской сбруи». Иногда перечисляются виды «мастерства и рукоделия»: «производит крашение куниц и прочих шкур», «мастерство имеет башмачное ...калашное ...кирпичное ...кузнецкое ...сапожное ...столярное», «печенье витушек ...хлебов», «прядильное», «тележное и санное», «...шорное и обойное», «тканье золотых и серебряных позументов»³⁷. К редким профессиям следует отнести «рукоделие часов»³⁸. Обращает внимание смешанный состав ремесленно-промысловых занятий: «промысел имеет делание войлоков и варение клею»³⁹. А. Ф. Оконнишников «промысел имеет делание слудяных окончин» (от изделия и произошла эта известная в Вологде торговая фамилия: окончины — Оконнишниковы)⁴⁰.

Столь же кратко объясняется и отсутствие определенных занятий: «за старостью промысла никакого не имеет» или, скажем «промысла не имеет за темнотою глаз». Принадлежность к цеховому ремеслу выражалась так: «ремесло имеет крашенинное и есть того ремесла мастер». На развитие местной медицины указывает наличие трех членов «фершалного цеха» — двух мастеров и одного ученика. К медицине относилась и оптика: Иван Мясников «имеет промысел делание окуляра»⁴¹. Всего в обывательских книгах был зафиксирован 161 цеховой ремесленник и 12 цехов. Среди ремесленников наиболее многочисленной была группа мастеров (134 чел.), а среди цехов — столярный и сапожный (по 28 и 34 чел. соответственно).

Интересен гендерный аспект обывательских книг 1780–1790-х гг., их сведения о положении женщин, социальных ролях полов. Возраст вступления в брак для девушек чаще всего зафиксирован с 18–20 лет, выявлены лишь два случая раннего брака (больше характерного для традиционных обществ) — в 13–14. Взятая в чужую семью 13-летняя девушка была ровесницей одного из младших братьев своего 19-летнего мужа⁴². У мужчин выявлено 4 случая раннего вступления в брак с 15–16 лет (чаще — с 20–22 лет). В то же время понятие «дети» распространялось в книгах на возраст от 1-го года до 19 лет, что позволяет предполагать постепенное увеличение брачного возраста у городского населения в конце XVIII в., который можно соотнести с начавшимся «демографическим переходом». Это предположение подтверждается наличием значительной группы девушек и юношей 20–24 лет, еще не заведших семью и живших в доме родителей. С 27–28 лет число несемейных граждан резко убывает.

Интересно выглядит возрастная пирамида жителей по обывательским книгам. Двум самым старым замужним женщинам в Вологде было 88 лет, одному самому старому женатому мужчине (оставшемуся капралу) — 93 года. Про занятия вдов или незамужних «девок» говорилось: «промысел имеет шитье женского платья» или: «рукоделие крашенинное», «...шитье золотом», «печенье ржаных и пшеничных хлебов, калачей»⁴³. Нередко отмечалось, что они промысла никакого не имеют, «питаются от черной работы, а дети их находятся у хозяев в услужении». Женщины могли и самостоятельно заниматься торговлей: «вдова со снохой торг имеют обувью»⁴⁴. Вдова И. И. Дементьева с сыновьями торговала дегтем и имела постоянный двор. Источником существования вдов нередко был «бизнес» их сыновей: у вдовы М. Г. Журиной один сын был кирпичного мастерства, второй — торговал лесом, а третий — работал в Мясном ряду, причем понятия *работать* и *торговать* в рядах различались⁴⁵.

В составе купцов третьей гильдии указано немало вдов, причем известных в Вологде торговых фамилий еще в XVII в. — Наталья Девяткова, Матрена Денгина, Афимья Манойлова, Татьяна Оконнишникова, Анисья Полянина, Настасья Рыбникова, Прасковья Свешникова и ряд других. Они наследовали денежные капиталы (свыше 1000 руб.) и недвижимость от своих мужей. Наследовали вдовы и их профессионально-ремесленную специализацию. В третьей части обывательской книги № 4211 указаны: «мастер портного цеха» вдова Мавра Иванова дочь Королькова и член хлебно-калашного цеха вдова Наталья Борисова дочь Шапошникова. Купчиха 1-й гильдии, вдова Афимья Витушешникова имела в 1832 г. сахарный и соляной заводы (последний — в Серегове усолье, ранее принадлежавший Рыбниковым, а до того — гостям Панкратьевым) и торговала сахаром и солью в Вологде и других городах⁴⁶. Среди занятий вдовых купчих в редких случаях отмечено ростовщичество: 55-летняя бездетная вдова У. Я. Рыбникова с капиталом в 1010 руб. «промысел имеет раздачу денег в интерес»⁴⁷. О значительной концентрации лавок в руках отдельных купцов говорит такое ука-

зание обывательской книги № 532: вдова Анна Васильева дочь Корелкина имела 7 каменных лавок в Кожевенном ряду и 21 — в Суровской линии⁴⁸.

Таким образом, при дальнейшей источниковедческой разработке обывательских книг русских городов важно различать среди них алфавитные списки и собственно переписи городских обывателей. Обе разновидности книг являются ценным, многоплановым источником для изучения социально-экономической и демографической истории России, установления численности купечества, мещанства, цеховых ремесленников, их торговли и других видов хозяйственной деятельности, порядков управления, социально-профессиональной, семейно-брачной и поло-возрастной структуры, миграций городского населения, исполняемых торговыми людьми государственных служб. Однако более ранние (1780–1790-х гг.) обывательские книги представляются содержательнее, нежели позднейшие, XIX в. В перспективе их следует изучать в сравнении с другими видами учетной и нарративной документации конца XVIII — первой трети XIX в. — ежегодными магистратскими ведомостями о состоянии городов, историко-топографическими и статистическими описаниями, записными книгами выдачи паспортов, векселей, маклерскими книгами, списками купечества и др.

Примечания

¹ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска 1786–1788 гг. как источник для изучения социального строя северного города // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Сев. археогр. сб. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 123–151; Обухова Г. И. Обывательская книга 1787 г. как источник по истории города Сарапула // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию Вят. учен. арх. комис.): Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф., Киров, 18–20 окт. 1994 г. Киров, 1994. С. 141–143; Чуракова О. В. Архангельск XVIII в. по материалам переписных книг «городовых обывателей» (гендерный аспект исследования) // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвящ. 90-летию А. Л. Шапира, Архангельск, 25–26 июня 1998 г. Архангельск, 1999. С. 283–289.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. № 16188.

³ ГАВологО. Ф. 476 (Городская дума). Оп. 1. Кн. 17.

⁴ ГАВологО. Ф. 496 (Духовная консистория). Оп. 1. Кн. 4211.

⁵ Чуракова О. В. Архангельск XVIII в. по материалам переписных книг... С. 285.

⁶ ГАВологО. Ф. 14 (Губернское правление). Оп. 1. Кн. 572.

⁷ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска... С. 128, табл. 1.

⁸ Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — нач. 60-х годов). М., 1999. С. 244.

⁹ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска... С. 129.

¹⁰ Там же. С. 130, 141, табл. 8; С. 149, табл. 10–11.

¹¹ ГАВологО. Ф. 476. Оп. 1. Кн. 17. Л. 396 об.; Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1611.

¹² Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1610 об. (сведения почерпнуты также из пятой части обывательской книги).

¹³ Захаров В. Н. Голландские купцы в Архангельске и торговые связи Русского Севера и Нидерландов во второй половине XVIII в. // Нидерланды и Русский Север в XVI–XX вв.: Сб. тез. и докл. междунар. науч. конф. Архангельск, 1999. С. 32.

¹⁴ ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1610.

¹⁵ Там же. Л. 1338 об.–1339.

¹⁶ Там же. Л. 715.

¹⁷ Там же. Ф. 476. Оп. 1. Кн. 17. Л. 396 об.; Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1028 об.

¹⁸ Там же. Л. 1339 об.

¹⁹ Там же. Ф. 476. Кн. 17. Л. 302 об.

²⁰ Козина Г. Н. Вологодские купцы — фабриканты и заводчики (XVIII — начало XX века) // Вологда: Краевед. альм. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 86.

²¹ Там же. С. 135–136, прим. 17.

²² ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1021 об.

²³ Там же. Л. 1173.

²⁴ Там же. Л. 1172 об.

²⁵ Там же. Л. 765

²⁶ Там же. Л. 681 об.–682.

²⁷ Там же. Л. 1209 об.

²⁸ Там же. Л. 1209 об.

²⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 152 об.–153.

³⁰ Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. № 133–135.

³¹ ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 797.

³² Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 99 об.–100, 129 об., 174.

³³ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 336, 745, 766, 823, 889, 934 и мн. др.

³⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 41, 281

³⁵ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 352.

³⁶ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска... С. 132.

³⁷ ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 138, 1316.

³⁸ Там же. Л. 281; Ф. 14. Оп. 1. Кн. 532. Л. 61.

³⁹ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1028 об.–1029.

⁴⁰ Там же. Л. 1028 об.–1029.

⁴¹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 155.

⁴² Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1066.

⁴³ Там же. Л. 58, 71, 102.

⁴⁴ Там же. Л. 61.

⁴⁵ Там же. Ф. 14. Кн. 572. Л. 71.

⁴⁶ Там же. Л. 35 об.–36.

⁴⁷ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1024.

⁴⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 94 об.–95.

А. Н. Торопов

ОТКРЫТИЕ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОРТУГАЛИЕЙ ПО ИНИЦИАТИВЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Как отмечается на сайте посольства Российской Федерации в Португальской республике, обе страны, территориально удаленные друг от друга, не имели общих политических интересов ни в Европе, ни в других частях света. Однако в интересах обоих государств было установить торговые связи, и в этом, прежде всего, была заинтересована Португалия. Она обладала обширными колониями и мечтала о могущественном флоте. Для осуществления этой мечты португальцам необходимы были товары, являющиеся предметом русского экспорта: мачтовый лес, пенька и смола.

Первые документально зафиксированные попытки установления контактов между Португалией и Российской империей относятся к началу XVIII в. Имеются сведения, что в 1724 г. португальское правительство обратилось к Петру I с предложением об установлении торговых отношений. В ответ на это Петр I издал указ о посылке в Лиссабон консула для налаживания торговли с Португалией. Однако никаких точных сведений относительно его пребывания в Лиссабоне и об успехе или неуспехе его миссии не имеется. К 1739 г. относятся факты прямой торговли между Россией и Португалией, которая состояла из весьма небольшого спектра товаров: Португалия ввозила, помимо леса, железо, лен и воск, а Россия покупала португальское вино, фрукты, пробку, оливки и соль¹.

Только при Екатерине II торговые связи России с Португалией становятся регулярными, а позднее между странами устанавливаются официальные дипломатические отношения. Большую роль в этом сыграла российская императрица, лично интересовавшаяся данным вопросом. В частности, именно по ее инициативе был отправлен в 1765 г. секретный корабль с российскими товарами в Лиссабон. Об этом можно получить представление из переписки Комиссии о коммерции с одним из крупнейших предпринимателей в России в XVIII в. Саввой Яковлевым.

Савва Яковлевич Яковлев (1713–1784), родившись крестьянином, в середине XVIII в. стал одним из богатейших людей России, добился потомственного дворянства. Источниками формирования его капиталов были самые различные сферы коммерческой и промышленной деятельности, такие, как торговля мясом, сделки с недвижимостью, питейные откупы, таможенные сборы, мануфактурная деятельность. К концу жизни он создал на Урале крупнейшее заводское хозяйство, которое по объемам производства чугуна и железа, числу построенных заводов во второй половине XVIII в. превосходило даже заводское хозяйство Демидовых. Везде Савва Яковлев добивался успеха благодаря своим предпринимательским талантам, умением извлекать выгоду из всего².

О масштабах торговой деятельности Яковлева в середине 60-х гг. XVIII в. можно получить представление из «Ведомости, сочиненной в гильдии Санктпетербургского купечества в суму полученного главного магистрата канторы в гильдию указа, а по требованию учрежденной при дворе Ея Императорского Величества Комиссии о комерции» от 19 августа 1764 г. Из восьми купцов, которые «торги производят в портах», Яковлев «производил торги» на 500 тыс. руб., в то время как общая сумма товаров всех восьми составляла 590 тыс. руб. Предприниматель занимался экспортом «пеньки, сибирского железа, разных мануфактурных товаров»³. Не зря Н. И. Павленко считает Савву Яковлева крупнейшим экспортером России⁴. Именно поэтому Яковлеву было поручено снарядить и отправить секретный торговый корабль в Португалию с российскими товарами.

Не вызывает сомнений, что Савва Яковлев занялся этой рискованной коммерческой операцией потому, что этим вопросом интересовалась непосредственно сама Екатерина II. 3 февраля 1765 г. Яковлев отправляет письмо в Комиссию о коммерции, в котором сообщает, что «ваше превосходительство объявить мне изволили секретно, не пожелаю ли я в Лиссабон отправить каравль с грузом российских продуктов нынешнею весною для опыту в торг и чтоб ежели опыт сей учиню, то се будет